

Сергей Колбин

Зимняя жемчужина

Рассказы о рыбалке
на Чудском озере

12+

Сергей Борисович Колбин

Зимняя жемчужина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48715123

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08331-8

Аннотация

Рассказы о рыбалке на Чудском озере для детей и взрослых, события в которых произошли на самом деле.

Содержание

Золотые запонки	4
Первая подлёдная	11
Надежда умирает последней	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Золотые запонки

Эту историю рассказал мне сосед по больничной палате, житель одной из прибрежных деревень Чудского озера. Оснований не верить у меня нет, впрочем...

В первые послевоенные годы всё мужское население, да и бабы тоже, ловили рыбу на удочки, называемые подмотками (промысловые снасти пропали в оккупацию). Крючки с оловом были большим дефицитом, а потеря блесны-секуши считалась трагедией. На десятилетие отец сделал мне дорогой подарок – секушу, которую в первые дни я хранил под подушкой, завернув в пергаментную бумагу. Блесна состояла из двух частей: первая – это двойник с длинным цевьём, изготовленный из цельного куска сталистой проволоки, а вторая – расклёпанный гвоздь, вставленный между крюками. Всё скреплялось тонкой медной нитью у верхнего и нижнего концов. Можжевеловый подмоток, выструганный самостоятельно, сушился за печкой, суровая нитка была тщательно пропитана варом. Оставалось ждать первого льда.

После неожиданно крепких морозов озеро заковало прочным панцирем, а первый небольшой снежок побелил всё в округе, сделав настроение вдвойне праздничным. По окончании уроков в школе все пацаны высыпали на лёд: кто с санками и корзинами, а я с холщовой сумкой через плечо. Пешню мне заменял расклёпанный в кузнице железный

прут, примотанный к осиновому черенку отождённой проволокой. Долго пришлось долбить первую чушку (до испарины на лбу), но лёд нетолстый, и вот тёмная вода запузырилась, заполнив пробитое во льду углубление. С волнением опускаю блесну, настраиваю глубину, начинаю дёргать удочку, стараясь вспомнить по прошлой зиме, как учил меня это делать отец – отрыв ото дна, взмах, несколько мелких потряхиваний, опускание и опять всё сначала. Долго никто не интересуется моим подарком, а мысль о том, что секуша может быть неуловистой, холодит вместе с ядрёным морозцем. Но вот удар, ещё один, и я тащу первого самостоятельно пойманного окушка. Расцеловав от радости краснопёрого полосатика, бережно кладу его в сумку. До вечера моей добычей становятся ещё пять штук, один из которых мне кажется огромным. Уже в сумерках, из глубины озера, возвращаются взрослые, а мы, ребятишки, помогаем тащить им тяжёлые санки с богатым уловом. Я выкладываю своих окуней в отцовскую кучу, положив сверху самого крупного. Он хвалит, улыбаясь сквозь усталость:

– А один-таки прямо ничего!

Каждый день перволедья мне удается наловить до десятка полосатиков, но у других ребят, особенно тех, что постарше, рыбы попадается побольше, видимо секуши у них поигристее. К Новому году навалило снега по колено, окуня заглушило, как говорили старики, и несколько раз я вообще ничего не принёс домой, хотя некоторые, правда похуже, но

ловили. Наконец, клёв у всех прекратился, и раздосадованные рыбаки недовольно рассуждали:

– Ведь есть окунь, а брать ни на какие секухи не хочет. Золото ему что ли подавай?

Эти слова запомнились мне вот по какому поводу. Однажды я случайно услышал разговор родителей, который начала мать:

– Может, продадим золотые запонки да купим телушку, ребятам ведь молока бы надо?

У меня каждый год появлялось по брату, писк в доме стоял невообразимый, кроме рыбы да хлеба с картошкой почти ничего не ели. Отец сурово ответил:

– Нет, это родительская память, нельзя!

Долго я думал о сказанном и однажды, оставшись за няньку, осмелился заглянуть в сундук, где хранилось всё самое ценное, как мне представлялось. Он был не заперт, правда, сверху оказалось какое-то светлое бельё, но, пошарив под ним, я вытащил две шкатулки: большую с отцовскими медалями и маленькую. Когда крышка маленькой была открыта, моему взору предстали два тоненьких кольца белого цвета и столько же неизвестных мне предметов жёлтого. Я взял жёлтую штукювину, ощутив сразу тяжесть в ладони, стал внимательно рассматривать. Она представляла собой небольшой кубик с затейливым узором по краям и лодочкой, которая качалась на оси посередине. Неслышно подползший сзади старший из братьев дёрнул меня за штанину, я резко обернул-

ся – штукавина выпала из руки на пол. Она сразу же была найдена, но ужас охватил меня – лодочки не было! Видимо, от удара ось выскочила, и она, отлетев, провалилась в щель между половыми досками. На дворе послышались голоса – мать возвращалась, я быстро всё убрал на место, взял на руки брата, сделав вид, что давно нянчусь, хотя хотелось его отшлёпать.

Всё свободное время в течение недели пришлось ползать по полу с гвоздём в руках, осторожно выковыривая из щелей подозрительные предметы. На вопрос матери, что я там потерял, пришлось соврать, что перо от ручки залетело и никак не найти. Наконец, когда надежда стала покидать меня, что-то блеснуло, осторожно вытаскиваю – она! Несколько дней я думал, что же делать: вставить лодочку назад – но ось мне никогда не найти, подделка будет замечена, всё рассказать – отец выпорот. Шальная мысль о том, чтобы сделать из неё секушу, вначале была отвергнута, но потом в воображении поплыли огромные уловы на золотую блесну, купленная телушка на сданную в колхоз рыбу, даже новая лодочка не исключалась. Соблазн был велик, да и в любом другом случае порки мне не избежать, и я решительно расплющив молотком лодочку, вставил её вместо гвоздя в блесну.

То ли золото рыбе понравилось, а может, год на весну повернул, но в первый же выход была наловлена полная сумка окуней. В следующий раз я взял с собой освободившиеся санки (отец уже ездил с бригадой на лошади, поступившей

в колхоз по демобилизации) и наловил почти половину их вместимости. Родители не забывали похвалить меня, а отец всё спрашивал:

– Неужели на ту секуху?

Я только кивал головой, боясь проговориться. Деревенские пацаны, замечая мои успехи, просили показать блесну, на что я отвечал, мол, вы видели её по перволедью. Однажды ко мне, увлеченному ловлей, незаметно подкралась два парня, что жили на другом краю деревни, и потребовали показать секуху. Я категорически отказался – не потому, что жалко, а из боязни раскрытия происхождения золотой блесны. Один из них, что повыше ростом, угрожающе наступая, промышчал:

– Не покажешь, силой возьмём!

Драгоценный предмет в это время был зажат в левом кулаке, правой, схватив пешню, я принял боевую позу и предупредил:

– Только попробуй, заколю!

– Да ладно, брось его, видишь, какой он чумовой, – прошепелявил второй, трусливо отступая.

Рыбу, пойманную мной, тоже сдавали в колхоз, и я однажды спросил у матери:

А сколько нужно сдать окуней, чтобы купить телушку? – на что прозвучал ответ, надолго испортивший мне настроение:

– Да вместе с отцовой рыбой и на копыто не хватит, но

ты не волнуйся, к лету справим тебе новую обувь. Я не понимал, почему столько много рыбы стоит так дёшево, и продолжал усердно ходить на озеро до последнего зимнего дня.

Пасха в тот год совпала с распадением льда – межсезоньем рыбаков, и вся деревня собиралась праздновать. Поговаривали, что прибудет настоящий батюшка, привезёт колокол, утраченный в войну, и даже проведёт службу в полуразрушенной церкви. Утром праздничного воскресенья я готовил уроки, а родители начали собираться на торжество. Когда был открыт сундук, у меня что-то ёкнуло в груди, но вначале была взята только праздничная одежда. Самое ужасное началось после слов отца, надевшего рубаху:

– А пуговиц-то на рукавах нет, доставай-ка, мать, запонки, родитель завещал носить их по большим праздникам!

Послышался звук открываемой шкатулки, шорох белья, минута молчания, за которую отец всё понял, и грозный окрик:

– Что же ты натворил, сорванец!

Я был стащен со стула за ухо, голова зажата между отцовских ног, а его широкий солдатский ремень защёлкал по моей заднице. Отец бил и приговаривал:

– Это тебе за запонки, это за родительскую память, это за...

Неожиданно зазвонил колокол, совпадая с ударами, а слова матери о том, что хватит, были заглушены моими криками. После экзекуции отец задал вопрос, вполне понятный

для меня, хотя и состоящий из одного слова:

– Где?!

Сквозь слёзы, заикаясь, я выдавил:

– В су-у-у-м-ке.

– Послышался щелчок порванной суровой нитки, стук шкатулки, слова отца:

– Ну ладно, мать, пошли. Переживём и это.

На следующий день рожденья мне было подарено две литых оловянных блесны, а к Новому году и та, золотая.

Прошло ещё много лет. В ювелирной мастерской мне изготовили лодочку-замок, прикрепили к запонке – от второй не отличишь, только вот при колокольном звоне почему-то горит та часть тела, на которой сижу, да в груди что-то щемит.

Первая подлёдная

Передо мной на столе лежит несколько общих тетрадок с выцветшими обложками. На одной, из самых пожелтевших, почерком десятилетнего мальчишки выведено: «Мои рыбалки». Без этого дневника сложно вспомнить что-то подробное из тех лет, но первая рыбалка на льду Чудского озера запечатлелась в памяти, наверное, отчётливее, чем первое свидание с девчонкой.

Когда мы выгрузились из машины, невиданное зрелище поразило мое воображение – бескрайнее, ровное, белое поле на горизонте смыкалось с голубым небом и было сплошь усеяно чёрными точками, ближние из которых оказались людьми, идущими колоннами, группами, парами, одиночками к линии горизонта. Тысячи людей вышли из сотен машин и автобусов, заслонивших деревню, двигаясь в одном направлении.

Стояла солнечная, мартовская погода, воздух словно застыл, ни малейшего дуновения ветра. Обширный антициклон господствовал уже длительное время и, как оказалось, день был не клёвым. Несмотря на это, мне было интересно всё – процесс бурения лунки (тогда применялись в основном лопатки), вычерпывание крошек льда, насадка червей, определение глубины. К середине дня я уже умел делать всё, кроме подсечки и вываживания рыбы. Мой папа, среди немно-

гих счастливиц, сидящих в округе, вытащил пару ершей. Я долго рассматривал их, любуясь выразительной расцветкой, колючими шипами и огромными глазами. Получив наставления по поводу поклёвок, ушел на свою лунку и долго смотрел на кивок, изготовленный из велосипедной нипельной резинки. Наконец кивок шевельнулся и я, сделав взмах удочкой, почувствовал лёгкие толчки. С замиранием сердца, осторожно перебирая леску руками, вытащил первого ерша. Второй пучеглазый долго учил меня правильно подсекать и все же поплатился за свое нахальство. На этом поклёвки закончились. После полудня солнце припекало основательно, припечатав ко льду всё, что было тёмного цвета, рыболовы застыли в полудрёме... И вдруг раздался крик:

– Пешню!

Вначале было непонятно, откуда доносится звук, но вот повторные крики с мольбой и одновременным требованием заставили несколько человек вскочить с ящиков и броситься на призыв. Образовалась группа людей, что-то делающая в одном месте. Ещё несколько раз донеслось:

– Пешню, пешню!

Несколько минут я наблюдал происходящее, оставаясь в полном недоумении. Что такое пешня, мне было известно, но, по-видимому, этого инструмента поблизости не оказалось. Желание посмотреть, что же произошло на самом деле, взяло верх над робостью, и я бросился бежать. Частокол ног не давал приблизиться к центру события, а попытка боком

пролезть между людьми не принесла успеха, меня остановили окриком:

– Не мешай, мальчик!

Обойдя группу людей с другой стороны, я лёг на лёд и ползком между ног всё же пролез к недоступному месту. Рядом с основной лункой, вплотную, была просверлена вторая, примерно на треть перекрывавшая первую у верхней кромки льда. В центре на коленях стоял счастливчик, держа дрожащими руками леску. На мгновение мне удалось заглянуть в лунку – в её нижней части была маленькая перемычка льда, а под ней виднелась голова огромного леща.

Кто-то сильной рукой толкнул меня в шапку, и я выехал из толпы на животе как на санках. Теперь оставалось только слушать происходящее.

– Давай я лопаткой бура разобью перемычку, – предложил решительный голос.

– А если леску перерубишь? – неуверенно произнёс счастливчик.

– Да нет, я вижу хорошо, – успокаивал всё тот же голос.

После паузы, с нотками мольбы голос счастливчика:

– Ну давай, только осторожно! Слышится глухой подводный удар и сразу за ним вопль счастливчика:

– А-а-а-а-а!!!

Группа людей расходится, оставляя одного стонущего, теперь несчастного человека.

Лещ ушёл.

...Солнце незаметно приблизилось к горизонту, и вот уже вереницы людей потянулись к берегу. Идем и мы. Взрослые обсуждают рыбалку, великолепную погоду, капризы клёва, строят планы на будущую поездку.

Проходим мимо нескольких людей, упорно склонившихся над лунками. Около одного лежат два огромных полосатых окуня. Увидев нас, он гордо поднимает голову, его глаза светятся радостью.

Я впервые в своей жизни вдыхаю неповторимый запах закованного льдом Чудского озера. Комбинацию его составляющих трудно описать словами, её можно лишь мысленно представить перед сборами на следующую подлёдную рыбалку.

Надежда умирает последней

Чудское озеро в тот год «встало» сразу и необычно рано – в конце ноября. Крепкие морозы и безветрие нарушили правило замерзания с третьей попытки – меньше недели потребовалось ранней зимушке, чтобы заковать непокорные водные просторы двадцатисантиметровым ледяным панцирем.

После недлинной дороги мы оказываемся на ещё осеннем берегу с остатками запахов ушедшего лета. Несколько шагов – и зима, полноправная хозяйка озера, встречает нас, приглашая рассаживаться, кто где захочет, только вот угощение спрятано подо льдом и каждый должен сам его найти.

Вода в лунках оказалась мутноватой, подтверждая необходимость двухнедельного отстаивания после осенних штормов. Окунь, которых мы пытались ловить, или не видели блёсен, или у них просто не было аппетита.

Где-то на втором десятке пробуренных лунок что-то небольшое зацепилось за блесну, осторожно вытаскиваю – ряпушка. Через несколько минут ещё одна, удовольствия немного, мелковата рыбка, зато вкусовые качества изумительные, не зря говорят, что это была любимая рыба самого Ивана Грозного. Отведав её, он издал указ, смысл которого сводился к тому, что «рыба сея, только к царскому столу, а за промысел оной без дозволения – смертная казнь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.